

Л-мир имеет статус универсально возможного: он не спроецирован на ось физической достижимости, а распределен между совокупностью М-миров. Таким образом, естественным продолжением фразы было бы *Пусть она вас ни когда не потревожит*. Однако второй модальный оператор *больше не* предполагает непосредственную достижимость пожелания, проецирует Л-мир на ось временной смежности. Логически возможное положение дел оказывается физически достижимым. Сила пожелания говорящего больше того, что он может пожелать.

Таким образом, (II) и (III) сочетают ирреальную модальность (логическую и эпистемическую) с реальной (физической). Возможны два объяснения этого противоречия.

Во-первых, Е-мир, как логически невозможный, может быть мотивирован интенциональным состоянием сознания говорящего (его надеждой, мечтой). Поскольку *пусть* обозначает в ы б о р из двух Л-альтернатив, вводимое положение дел также совместимо с интенциональным состоянием говорящего. В таком случае (II) и (III) репрезентируют любовный фантазм, направленный на актуальность и достижение (ср. реплику Дон Гуана: *О пусть умру с ей час у Ваших ног*).

Во-вторых, «прыжки в ирреальность» можно объяснить обращением на «Вы». Действительно, правила вежливого обращения предписывают «изгнание» адресата из реального мира. Ср. обращение на «ты» — *Пойдем гулять* и на «Вы» — *Не хотели бы Вы пойти погулять?* Во втором случае презумпция «Возможно'осуществление действия» снимается. Предполагается, что адресат обладает свободой воли и говорящий не может связать его поступки отношением физической достижимости. Точно так же говорящий не может приписывать адресату свою картину мира. В частности, ситуация, данная субъекту внутренним опытом, для другого субъекта является переключенной. Этим объясняется недостоверность прошлого в (I) и неопределенность настоящего в (II), хотя речь идет о переживаниях говорящего.

Показательно, что Дон Гуан также обращается к Донне Анне на «Вы» и подобным же образом вуалирует свой внутренний мир: *Молва, быть может, не совсем неправа, / На совести усталой много зла, / Быть может, тяготеем*. Таким образом, ирреальная модальность приобретает двойную субъективную соотнесенность.

Окончание строфы в этом плане однозначно: оно утверждает точку зрения адресата.

(IV) Я не хочу печалить вас ничем.

Глагол *печалить* в отличие от *тревожить* обозначает не агентивное, а каузативное действие (ср. *Что Вас тревожит?, но Чем Вы опечалены?*). Это действие не контролируется субъектом, поэтому не может быть предметом его «намерения». Следовательно, глагол *хочу* актуализирует не возможные миры говорящего, а возможные миры адресата — те ситуации, в которых он испытывает чувство печали. Эти миры определены только для самого адресата: только субъект может указать, какие ситуации для него эмоционально неблагоприятны. Поэтому местоимение *ничем* имеет подстановочное значение, безразличное для говорящего (поскольку его желание отсутствует) — «ничем, о чем Вы могли бы подумать». Говорящий предлагает адресату подставить любой из своих Е-миров в утверждение:

Не существует ни одного возможного мира, в котором адресат печален и который является физически достижимым из актуального мира говорящего. Местоимение *ничем* открывает встречный ход адресата: оно требует от него акта в е р ы (ср. теоретико-игровую интерпретацию кванторов у Хинтикки [6, с. 282]). Э т о в т о р о е с а м о о т р и ц а н и е т е к с т а, совпадающее с концом строфы.

В целом, какие бы возможные миры ни устанавливала первая строфа,